

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

Извѣстный актёръ и водевилистъ Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, братъ знаменитаго нѣкогда трагика, сынъ отличнаго въ свое время актёра (на амплу пети-метровъ) и первой драматической актрисы, Александры Дмитриевны Каратыгиной, родился въ Петербургѣ въ 1805 году и въ 1812 г. отданъ былъ въ гимназію, а оттуда въ 1815 году перешолъ въ театральную школу, рѣшившись посвятить себя драматическому поприщу. Тогда еще существовалъ образователь и учитель въ школѣ князь Шаховской, и подъ руководствомъ его Каратыгинъ началъ практическое образованіе. Спер-

ва ему давали маленькія роли, потомъ сдѣлали режисёромъ школьной труппы.

Въ 1821 г. (слѣдовательно, ему было 16 лѣтъ) написалъ онъ пьеску «Сентябрьская ночь», въ которой дѣйствующія лица были все мужчины, и хотя она была сочинена для школьнаго театра, но имѣла успѣхъ и на большой сценѣ. Потомъ онъ написалъ трагикомедію «Неронъ», и Грибоѣдовъ, по знакомству съ княземъ Шаховскимъ, часто посѣщавшій школьные спектакли, ободрилъ литературныя труды молодого актёра-писателя. Самъ Грибоѣдовъ написалъ уже тогда свое знаменитое «Горе отъ ума» и хотѣлъ дать эту комедію сперва въ театральномъ училищѣ; роли были розданы, выучены, вырепетированы, и Каратыгинъ, подъ руководствомъ самого автора, отлично изучилъ роль Репетилова; но спектакль не состоялся. Тогдашній президентъ театральнаго комитета, графъ Милорадовичъ, какъ генерал-губернаторъ столицы, узнавъ, что эта пьеса имѣетъ либеральное направленіе, запретилъ ее.

Первое появленіе Каратыгина (его ужъ назвали 2-мъ, потому что въ 1820 г. поступилъ на сцену старшій братъ его) въ большой труппѣ было въ 1823 году, въ роли пажа, въ комедіи «Молодость Генриха V». Ловкость, развязность, умная дикція подавали большія надежды; но на какое амплу? Самъ Каратыгинъ не любилъ ролей молодыхъ любовниковъ, а ихъ-то и заставили его играть. Онъ выучивалъ ихъ твердо, игралъ добросовѣстно, но, очевидно, неохотно, и потому холодно, а въ неблагоприятномъ этомъ амплу холодъ въ конецъ убиваетъ и пьесу, и актёра.

Долго «Горе отъ ума» было подъ запрещеніемъ, но сперва выпросили позволеніе играть одинъ первый актъ; потомъ второй, наконецъ, третій, и тутъ-то (въ 1830 г.) Каратыгинъ впервые явился въ роли Загорѣцкаго и заслужилъ всеобщіе аплодисменты. Съ тѣхъ поръ понялъ онъ, что истинное его амплу комическое, и совершенно посвятилъ себя ему, хотя не отказывался и отъ другихъ ролей, лишь бы не любовниковъ. Такъ, онъ удачно игралъ Карла XII, сохранивъ вѣрно всю историческую характеристику этой роли. Вообще, не обладая большимъ талантомъ, какъ артистъ, онъ былъ самымъ добросовѣстнымъ исполнителемъ, а

это теперь большая рѣдкость. Онъ искренно любилъ свое званіе, литературу и театръ.

Гораздо выше онъ, какъ писатель. Послѣ князя Шаховскаго русскихъ водевилей вовсе не было. Пробавлялись переводами и передѣлками Яковлева и Кони. Только Писаревъ и Ленскій подняли этотъ родъ въ Москвѣ, но все утверждали, что русскій языкъ не созданъ для каламбуровъ и тонкостей. Каратыгинъ доказалъ противное. Въ 1830 г. написалъ онъ первый водевиль «Знакомые незнакомцы», выведя на сцену Булгарина и Пелевого. Успѣхъ былъ огромный, потому что вся пьеса наполнена остротами и каламбурами. Съ тѣхъ поръ началъ онъ каждый годъ въ свой бенефисъ писать новые водевили, и «Школьный учитель», «Булочная», «Ложа 4-го яруса», «Дон-Кихоть» и др. могутъ служить образцами въ этомъ родѣ. Даже въ домашнихъ разговорахъ онъ безпрестанно говоритъ каламбуры.

Въ 1831 г. назначенъ онъ былъ репетиторомъ въ театральную школу, и долго продолжалъ это занятіе. Къ сожалѣнію, теперь укоренилась уже въ этомъ заведеніи мысль, что драматическому искусству нечего учиться, а нужно одно вдохновеніе, призваніе... Отъ этого изъ школы и не выходитъ ни одного порядочнаго актѣра. Когда тамъ учились, оттуда вышли: Сосницкій, Мартыновъ, Дюръ, Максимовъ, Григорьевъ, а теперь?..

Нападеніе феніевъ на башню Мартелло.

Великобританія похожа на вулканъ, готовый къ изверженію. Страхъ общаго возстанія феніевъ царствуетъ повсемѣстно на другой сторонѣ Ламанша. Эта таинственная асоціація пустила свои корни на всю Великобританію невидимую сѣтью и различныя покушенія доказываютъ, какъ сильно власть феніевъ. Несмотря на всевозможныя предосторожности, за ними невозможно углядѣть. Взрывъ у клеркенвельской тюрьмы, у Ньюкестеля, нападеніе на газовый заводъ въ Глазгоу, появленіе пароходовъ съ оружіемъ—все это могло испугать всякаго.

Недавно новое событіе въ самой Ирландіи произвело сильное волненіе. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи и Англіи построены небольшія башни, называемыя Мартелло. Они служили укрѣпленіями во время войнъ, и на нихъ находится по одной пушкѣ, которая поворачивается во все стороны.

невозможно идти по пути злодѣйствъ. Конкуренція съ нимъ невозможна. Онъ избѣгнулъ всего, что лишнее въ книгѣ: ума, наблюдательности, оригинальности, даже правописанія — и оставилъ одни преступленія.

Въ каждой главѣ будетъ по семидесяти убійствъ старыхъ и новыхъ, совершенныхъ въ таинственныхъ мѣстахъ, при чрезвычайной обстановкѣ. Кромѣ того, для разнообразія, будутъ раздавленные дѣти, задушенные дѣвушки, проколотыя старухи, зарѣзанные и искрошенные военные.

Увеличивать число преступленій — вотъ задача современной литературы и мы съ готовностью наклеимъ на все стѣны столицы слѣдующую, поразительную афишу:

Громадный, неслышанный, глупѣйшій успѣхъ!

УЖАСНАГО РОМАНА:

ФАБРИКА ПРЕСТУПЛЕНІЙ!

Соч. Мушамбеля, убійцы.

Вся Европа ждетъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ появленія этого гениальнаго произведенія, въ которомъ до семи тысячъ жертвъ, принадлежащихъ Франціи, какъ и должно быть въ модномъ романѣ, и вдоволь разныхъ злодѣйствъ: убійствъ, воровства, грабежа, насилій, обмановъ, фальшивыхъ подписей, святотатствъ, соблазновъ, отравленій, мошенничествъ, хитростей, подлостей, чудищностей и пр., и пр., и пр.

ГЛАВА I.

Наву-Ходо-Носоръ.

Было десять часовъ вечера.

Небо было мрачно съ правой стороны; съ лѣвой, на горизонтѣ, видѣлся свѣтъ таинственнаго происхожденія.

Три человѣка шли молча по тротуару улицъ Гренеты. Они шли одинъ за другимъ. Это были незнакомцы, что доказывала ихъ мягкая обувь и осторожность, съ которою они обходили городскихъ сержантовъ.

Улица Гренета, находящаяся въ центрѣ населеннаго квартала, не имѣла въ то время монументальнаго характера. Тротуары были узки, мостовая неровная, освѣщена она была слабо и по ней струился ручей, распространявшій особенный запахъ, въ которомъ можно было отличить кровь и слезы.

Показался фіакръ. Точильщикъ издалъ звукъ